

*Посвящается
лучшему папочке на всем белом свете*

Перед твоей смертью я успела рассказать тебе о потрясающих переменах в моей жизни. Мы с тобой болтали по видеосвязи, ты улыбнулся и сказал: «Я так тобой горжусь». А потом тебе пришел положительный тест на COVID-19. Я всегда буду благодарить судьбу за тот последний звонок. Я помню, что ты чувствовал себя нехорошо и мне было неловко тебя задерживать, но я хотела, чтобы ты знал — я люблю тебя. И об этом был весь наш разговор. Я очень по тебе скучаю, я люблю тебя — снова и снова.

А на следующее утро тебе стало совсем плохо, и тебя подключили к аппарату искусственной вентиляции легких.

Увидев тебя в больнице, я поняла — пришло время прощаться. Ты уже был на краю, и все же, когда я взяла тебя за руку, ты открыл свои прекрасные глаза и улыбнулся мне. В следующий раз я увидела тебя, забирая твой пепел.

Я отдала бы все на свете, чтобы снова тебя обнять, услышать твой голос и смех. Получить вдруг смешное сообщение, потерять твою лысую макушку и прислониться к твоему плечу. Но я знаю, что ты по-прежнему со мной и что ты мной гордишься. Своим упорством я обязана именно тебе — человеку, который всегда верил в то, что все остальные считали невозможным.

ПОКОЙСЯ С МИРОМ

Фредди Ли Никсон

23 декабря 1948 — 27 ноября 2020

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ О СОДЕРЖАНИИ

В этой книге есть сцены, в которых упоминается суицид, а также сцены сексуального насилия.

Если вы или кто-то из ваших знакомых размышляет о суициде, пожалуйста, позвоните в службу спасения по предотвращению суицидов.

Вы столкнулись с сексуальным насилием? Вам нужна помощь или поддержка?

Позвоните на горячую линию по сексуальному насилию.

Пожалуйста, не молчите об этом. Людям не все равно, вашим друзьям и семье не все равно. Мне не все равно.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ныне хочу рассказать про тела, превращенные в формы
Новые. Боги, — ведь вы превращения эти вершили, —
Дайте ж замыслу ход и мою от начала вселенной
До наступивших времен непрерывную песнь доведите...¹

Овидий «Метаморфозы»

¹ Перевод С. В. Шервинского.

ГЛАВА I

ПРИКОСНОВЕНИЕ ИСТЯЗАНИЯ

Шероховатые ладони развели ее ноги и скользнули вверх по бедрам, за ними последовали и губы — едва касаясь ее кожи. Персефона изогнулась дугой в полусне, и веревки впились ей в запястья и лодыжки. Сбитая с толку, она потянула их, пытаясь высвободить руки и ноги, но путы не поддались. В этой неспособности двигаться, необходимости сопротивляться, бороться было что-то, от чего ее сердце заколотилось, а к голове прилила кровь.

— Как же ты прекрасна, — шепот скользнул по ее коже, и Персефона замерла.

Этот голос.

Он был ей знаком.

Когда-то она считала его обладателя своим другом, а теперь он стал врагом.

— Пирифой.

Его имя выскользнуло из ее рта, переплетенное с гневом, страхом и отвращением. Он был полубогом, что следил за ней, а потом выкрал из Акрополя.

— Тсс, — прошептал он, скользя по ее коже своим языком — влажным и холодным.

Из горла Персефоны вырвался крик. Она сжала ноги вместе, пытаясь выкрутиться из чужеродных прикосновений, блуждающих по ее коже.

— Расскажи мне, что он делает — как тебе нравится? — прошептал он, и липкое дыхание обволокло ее ухо, в то вре-

мя как его ладонь скользнула к ее сердцевине. — Я смогу сделать лучше.

Персефона распахнула глаза и села, сделав резкий вдох. Боль раздирала ее грудь, дыхание сбилось, словно она только что бежала через все подземное царство, преследуемая призраком. Спустя пару секунд глаза привыкли к окружающей ее темноте, и она поняла, что находится в постели Аида, среди шелковых простыней, что прилипли к ее вспотевшей коже. В камине напротив плясали оранжевые языки пламени, а рядом с ней лежал сам бог мертвых, и его энергия, темная и наэлектризованная, заряжала воздух вокруг, делая его тяжелым и почти осязаемым.

— С тобой все в порядке?

Голос Аида был чистым и тихим — успокаивающий бальзам, которым ей хотелось наслаждаться. Она посмотрела на него. Он лежал на боку, и его обнаженная кожа лоснилась в свете камина. Черные глаза поблескивали, а волосы рассыпались по простыням подобно волнам беззвездного моря. Всего пару часов назад она сжимала их своими пальцами, раскачиваясь на нем — долго, медленно, сдерживая стоны.

Она сглотнула. Язык во рту словно распух.

Богиня не впервые видела этот кошмар и не впервые, проснувшись, обнаруживала, что Аид за ней наблюдает.

— Ты не спал, — поняла она.

— Нет, — ответил он и сел рядом, проведя ладонью по ее щеке. От его прикосновения у нее по спине побежала дрожь. — Расскажи мне.

Его голос был подобен самой магии — заклинанию, что вытягивало слова у нее изо рта, хоть они, казалось, застряли в горле.

— Я снова видела во сне Пирифоя.

Аид опустил руку, которой касался ее щеки, и Персефона узнала выражение его лица — жестокость в бездонных глазах. Ее накрыло чувство вины из-за того, что она снова пробудила ту его часть, которую он с таким трудом пытался подчинить своей воле.

Пирифой преследовал Аида так же, как преследовал Персефону.

— Он причиняет тебе боль, даже когда ты спишь, — нахмурился Аид. — В тот день я не смог тебя защитить.

— Как ты мог знать, что он меня похитит?

— Я должен был знать.

Конечно же, это было невозможно, хоть Аид и возражал, что именно для этого он и нанял Зофи, но во время похищения эгида патрулировала у Акрополя. Она не заметила ничего необычного, потому что Пирифой покинул здание через подземный туннель.

Персефона поехала, вспомнив о том, как бездумно позволила полубогу помочь ей покинуть Акрополь, хотя все это время он планировал ее похитить.

Она никогда больше не будет никому так слепо доверять.

— Ты не всевидящий, Аид, — попробовала успокоить его Персефона.

Следующие несколько дней после ее спасения из дома Пирифоя Аид пребывал в мрачном настроении, в итоге вылившемся в попытку наказать Зофи, освободив ее от обязанностей эгиды, — Персефона этому воспрепятствовала.

И все же, даже после того, как Персефона отменила указание Аида, амазонка решила ей возразить:

— Я сама себя опозорила.

Слова эгиды привели Персефону в отчаяние.

— В этом нет ничего постыдного. Ты выполняла свою работу. Ты, кажется, думаешь, что нам стоит обсудить твою роль в качестве моей эгиды. Но тут нечего обсуждать.

У Зофи округлились глаза, ее взгляд метался между Персефой и Аидом, а потом наконец она сдалась и кивнула:

— Как пожелаете, миледи.

После этого богиня повернулась к Аиду:

— Я надеюсь, что в следующий раз ты сообщишь мне, прежде чем уволить кого-то из моей свиты.

Аид приподнял брови, скривил губы и возразил ей:

— Это я ее нанял.

— Я рада, что ты об этом вспомнил, — ответила она. — В следующий раз, когда ты решишь, что мне нужна слуга, я

также ожидаю, что ты включишь меня в обсуждение этого вопроса.

— Конечно, дорогая. Как я могу заслужить твое прощение?

Они провели остаток вечера в постели, но, даже когда занимались любовью, она видела, как он страдает, — как видела это и сейчас.

— Ты права, — кивнул Аид. — Может, тогда мне следует назначить Гелиоса.

Она ответила ему ироничным взглядом. Аид и прежде упоминал в разговорах бога солнца. Было ясно, что им обоим друг на друга плевать.

— От этого тебе стало бы легче?

— Нет, хотя это было бы забавно, — ответил Аид, но тон его голоса противоречил словам, звуча скорее зловеще, чем весело.

Персефона отлично знала о склонности Аида к жестокости, и его комментарий о наказании напомнил ей об обещании, что богиня взяла у него после своего спасения. *«Когда ты подвергнешь его пыткам, я к тебе присоединюсь»*. Она знала, что в ту ночь Аид спускался в Тартар, чтобы пытать полубога, знала, что он спускался и потом, но ни разу не попросила присоединиться к нему.

Теперь же Персефона задалась вопросом: не потому ли Пирифой преследовал ее во сне? Может, если она увидит его в Тартаре — окровавленного, сломленного, мучающегося, — это положит конец ее кошмарам.

Она снова взглянула на Аида и сказала:

— Я хочу его увидеть.

Выражение лица Аида не изменилось, хотя ей показалось, что в это мгновение она почувствовала его эмоции — гнев, вину и опасения. Но опасения не позволить ей увидеть нападавшего, а вообще пустить ее в Тартар. Она знала, что в глубине души Аид боялся показать ей эту свою сторону, боялся, что она о нем подумает, и все же отказать ей он не мог.

— Как пожелаешь, дорогая.

Персефона с Аидом оказались в Тартаре — в комнате без окон. Такой белой, что становилось больно. Персефона широко распахнула глаза, когда ее взгляд нашел Пирифоя, привязанного к стулу в центре комнаты. С тех пор как она в последний раз видела полубога, прошло несколько недель. Казалось, он спит — подбородок опущен к груди, глаза закрыты. Когда-то она считала его симпатичным, но сейчас щеки под острыми скулами впали, лицо было бледным, почти пепельным.

А еще здесь был запах.

Не запах гниения, но едкий и неприятный, он обжигал богине нос.

При виде полубога у нее скрутило живот.

— Он мертв? — произнесла Персефона шепотом, просто на всякий случай — она была не готова посмотреть ему в глаза. Она понимала, что задала странный вопрос, если учитывать, что они находились в Тартаре, в подземном царстве. Но Персефона знала, какие методы пыток предпочитает Аид и что он мог вернуть жизнь только для того, чтобы снова ее отобрать в череде истязаний.

— Он дышит, когда я велю, — ответил Аид.

Персефона ответила не сразу. Вместо этого она приблизилась к душе, остановившись в нескольких футах. Вблизи он напоминал восковую фигуру, что размякла от жара, ссудулилась и сморщилась. И все же он был цельным и даже слишком настоящим.

До своего первого визита в подземное царство Персефона думала, что души — это тени самих себя. Но они оказались вполне телесными, цельными — как в тот день, когда умерли, хотя так было не всегда. Когда-то в царстве Аида души влачили жалкое существование в крайне стесненных условиях.

Аид не признавался, что именно его так изменило — почему он решил придать красок и подземному царству, и душам, создав иллюзию жизни. Он часто говорил, что подземное царство просто развивалось, как и верхний мир, но Персефона знала Аида. У него была совесть, он сожалел о том, как начал